

НА ПУТИ К НОВОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ СОЗНАНИЮ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)

Литература никогда не прекращает своего поступательного движения, однако в этом своем поступательном движении она различно соотносится с действительностью. Иногда литература идет в ногу с ней, а иногда, и это бывает значительно реже, сохраняет инерцию, откликаясь все же на все основные события.

Если литература предшествующего времени приобретала государственное значение благодаря общественной весомости поднимаемых ею вопросов, то во второй половине XVI века государство, подчинив себе литературу, организуя огромные литературные предприятия — летописные своды, «Великие Четьи-Минеи», «Степенную книгу» и пр., сделало литературу служанкой государства, создало официальный стиль второго монументализма, отличавшегося пышностью, парадностью, традиционностью форм и главной целью: прославлять, возвеличивать, оправдывать прошлое и настоящее. Так, например, «Степенная книга» была посвящена росту и восхождению Русского государства и русской церкви по ступеням лестницы, ведущей к росту значения русской истории в мировой. Другое большое собрание книг середины XVI века — «Великие Четьи-Минеи» предлагали читателям годовой круг ежедневного чтения, создавая из огромного числа включенных в этот круг произведений как бы венок и венец благочестивых размышлений протяженностью в год, с окончанием которого этот круг чтения должен был повторяться. Третье большое литературно-историческое и живописное предприятие середины XVI века — Лицевой летописный свод выходил за пределы только чтения и создавал из мировой и русской истории единый грандиозный зрительный ряд, придавал наглядность историческим событиям. Читателям надлежало не только по-

нимать происходившее в его официальных толкованиях, но даже зрительно представлять себе историю в определенных и единообразных образах, в которых каждое событие было запечатлено в стилистически едином ряду во многих своих моментах (одна миниатюра могла в единой композиции изображать несколько эпизодов: приготовление к походу, выступление войска, путевые происшествия войска и пр.).

При всей грандиозности сочинений и их книжных собраний, созданных в стиле и идеях «второго монументализма», темы их оказались довольно быстро исчерпанными, а Лицевой свод пришлось даже неоднократно исправлять в его последней части — в зависимости от официального отношения к тем или иным последним событиям и их участникам.

Есть эпохи, в которые литература, казалось бы, слабо развивается, — нет признаков «большой литературы», заметно уменьшается число произведений и писателей. Как будто бы силы общества отвлечены на другие заботы. Но при этом в литературе никогда не бывает простого отступления назад. Старая литература не забывается, и в тех немногочисленных жанрах, которые еще живут, продолжается подспудное движение вперед.

Культура не может отступать, ибо она движется вперед путем накопления ценностей. Накопления же не пропадают. Они становятся иногда менее доступными, но и только. Так было в эпоху монголо-татарского нашествия на Русь. Летописание в этот период, кажется, свелось к отдельным местным записям, но зато развился жанр воинских повестей и житийный.

Во второй половине царствования Грозного круг созданных в ней произведений также сузился до минимума, но зато громко звучали два голоса: царя Ивана и его противника, скрывшегося за рубежом, — князя Андрея Курбского. Глухо, размеренно и властно раздавались тяжкие голоса этих двух полемистов, но замолк перезвон мелких.

Именно эта полемика рельефнее всего представила в литературе особенности ее времени. Остальные голоса и не могли быть значительны. Грозный принял на себя ответственность за решение всех политических и нравственных вопросов своего времени. Рядом с Иваном Грозным не могло быть других взглядов. Грозный полагал, что только он один, как «помазанник божий», может судить людей и историю. В его царстве никто не смел высказывать иных суждений, — суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный.

Культура во всех своих проявлениях приобрела монологический характер. Только за границами России бежавший из нее и там волей или неволей переставший себя ощущать русским князь Курбский решился полемизировать с Грозным. Однако, находясь вне России и даже командуя одно время войсками против Грозного, он лишил себя твердой моральной позиции и принужден был выступать не столько за народные интересы, сколько выразителем своих личных обид.

Тем не менее развитие литературы шло своим путем, и у обоих полемистов, сколь ни сложно наше к ним отношение как к личностям, определились черты будущего в литературе. Главное, что обнаружилось по обе стороны государственной границы, — это развитие личностного начала в русской литературе. Оно сказывалось и в политических, и в идейных позициях, и в стиле произведений обоих.

Несмотря, однако, на то, что напряженность споров и их эмоциональность сильно возросли, уровень споров резко снизился, а темы их значительно сократились. О чем, в сущности, спорили Грозный и Курбский? Грозный доказывал свое право казнить и миловать своих подданных. Доказательств этого права он почти не предъявлял. Он требовал верить ему в этом и бранил противников. Никакой особой новой, чем-либо замечательной концепции своего самодержавного права создано им не было. Все аргументы его примитивны и однообразны. Курбский, опровергая это право Грозного и упрекая его в грубых жестокостях, хотя и был с моральной точки зрения более убедителен в этих упреках, не противопоставил Грозному своей собственной теории государства. Он утверждал лишь, что в первый период своего царствования, слушая умных советников, Грозный не совершал зверств и даже одерживал победы над внешними врагами. Однако концепция его не может сравниться с прежними превосходно аргументированными «программными» предложениями Ивана Пересветова или с философией Ермолая-Еразма и многих других публицистов и философов первой половины XVI века.

Продвижение вперед в литературе может быть усмотрено лишь во второй, «формальной» сфере литературы — в сфере господствующих стилей. Сфера эта содержала идеологические стороны, идеологическую подоплеку, но подоплека эта была скрытой; как бы невысказанной, подсознательной — как и все, что совершается при изменениях «стиля эпохи». Главное явление, на которое в этом отношении следует обратить внимание, — это значительный рост индивидуального начала в стиле произведений. Индивидуальность еще сла-

бо осознавалась в действующих лицах, либо она была выражена односторонне (например, тиранство Грозного, подчеркиваемое в произведениях Курбского), но индивидуальные особенности стиля, поднявшиеся над жанровыми особенностями, были уже в достаточной мере ясны у обоих главных антагонистов эпохи — Грозного и Курбского.

Переписка Грозного с Курбским часто трактуется как выражение борьбы нового со старым. При этом Грозный оказывается выразителем нового, государственного начала, а Курбский — старого, родового. Но политические взгляды обоих были лишены сколько-нибудь четкой ориентации на будущее. Что же касается их места в истории литературы, то черты будущего ярко сказываются у обоих, как мы уже сказали, в усилении личностного начала, но не в появлении новых сильных идей.

Стиль Грозного — как бы часть его поведения в жизни. В жизни Грозный то переодевался со своими опричниками в монашеское платье и глумился над церковными обрядами, то благочестиво пел на клиросе в церкви. Он то отказывался от своей царской власти и сажал на престол татарина Симеона Бекбулатовича, зловеще напоминая этим о трехсотлетнем чужеземном иге, и писал Симеону Бекбулатовичу лицемерно-униженные челобитные, то упивался властью и массами казнил людей. Он постоянно переходил от одного чувства к другому: от торжества к крайнему раскаянию, от веселья к горю, то дразнил, то впадал в ярость и т. д. Поразительно, что в своих произведениях Грозный был таким же, как и в жизни. Изумительный мастер языка, то до крайности резкий и гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 года), то подавленный страхом смерти и манией преследования (в своем каноне Ангелу Грозному), то изощрявшийся в «кусательном» стиле», спускавшийся до грубой брани, то мастер высокого церковнославянского стиля, стремящийся подавить своего читателя эрудицией, — таков Грозный в своих произведениях, — это самовозбуждающийся и ни с чем не считающийся тиран как на троне, так и в облики писателя.

Свое «Послание» игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме Грозный начинает очень книжно, а затем постепенно, как бы не выдерживая своей роли наставника, переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели бога, ссылается и на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь становится нетерпеливой. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает самого себя: «что же много насчитати и глаголати»,

«множае нас сами весте» и т. д. Грозный не стесняется бранных выражений, обычно им употребляемых: «собака», «собачий», «пес» и пр. Он употребляет разговорные выражения: «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками, пересыпает речь восклицаниями: «ох!», «увы!», «горе, ей!» Он часто непосредственно обращается к читателям: «видети ли?», «а ты, брат, како?», «ты же како?» и пр. Разнообразие его лексики поразительно.

Те же черты литературной манеры Грозного мы наблюдаем и во всех других его произведениях. Во многих письмах к иностранным государям, частично явно написанных не им, можно определить, однако, немало страниц, принадлежащих самому Грозному. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по стилю грубой, сильной и выразительной речи. Одним словом, в произведениях Грозного мы ясно видим все признаки индивидуального стиля.

Характерно и следующее. Пародия появляется в литературе тогда, когда ясно определяются признаки жанрового или индивидуального стиля. Появление пародии — знак появления осознания стиля как явления, существующего в какой-то мере независимо от содержания, как бы присоединяющегося к содержанию, ибо в пародии главный ее смеховой эффект состоит в несоответствии содержания форме, стилю, содержанию жанра. У Грозного есть послания, целиком выдержанные в тоне пародии. Таково, например, его знаменитое послание Симеону Бекбулатовичу. Послание это — только одно из звеньев политического маскарада, который Грозный организовал, передав свой титул касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу. Грозный в подчеркнуто притворном униженном тоне называет себя «Иванцем Васильевым», просит разрешения у новопоставленного «великого князя всея Руси» Симеона «перебрать людишек», то есть совершить один из самых жестоких актов своего правления.

При чтении послания Грозного иногда приходит на ум предположение, что яркостью индивидуального стиля Грозный как бы прикрывал отсутствие убедительных и аргументированных, чем-либо замечательных идей. В самом деле, что за «идея» — неустанно, многократно и однообразно твердить о своем полном праве творить все, что угодно, со своими подданными, — даже если поводы к этим жестокостям явно несправедливы. Доводы только те, что творятся эти несправедливости «по прародителей своих обычаю» и что право на них утверждено якобы Писанием: «Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволили еси от мене, строптиваго владыки,

страдати и венец жизни наследити?» Долг, следовательно, подданных — страдать и терпеть даже несправедливые наказания от своего владыки, а воздаяние получать на том свете: там можно за эти муки и «венец жизни наследити», то есть стать святым мучеником.

Было бы неправильно сводить всю проблему появления индивидуального авторского стиля у Грозного к тому, что он как своенравный самодержец позволял себе не считаться ни с литературным этикетом, ни с канонами жанров. Владимир Мономах также обладал главенствующим положением в государстве, однако если и отступал от особенностей поучения, или от летописного стиля в своей автобиографии, или от типа посланий в своем письме к Олегу Свято-славичу, то как бы помимо своей воли. Между тем Грозный часто менял свой стиль, принаравливаясь к случаю, к адресату, к своим собственным намерениям как можно более ужалить своего противника.

С князем-изменником Курбским он властный самодержец, с участником его потех Васюткой Грязным, попавшим в плен и требующим выкупа, он — глумливый хозяин, с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Козьмой он — сперва монах, потом — жестокий разоблачитель, с проповедником лютеранства Рокитой он — дерзкий спорщик и защитник православной веры, с посаженным им «царем» Симеоном Бекбулатовичем он — притворный челобитчик, в своей молитве к Ангелу Грозному он — преисполненный страха смерти молящийся, в посланиях к Елизавете Английской или шведскому королю Иоганну III он — многоопытный властитель могущественного государства. И всюду он издевается, зло шутит, иногда даже бранится. Он актер — всегда иной и всегда тот же самый. Особенность его литературной манеры — в умении создавать свой собственный образ, каждый раз иной и одновременно в чем-то прежний.

Он пишет то от себя, то от имени бояр, то под псевдонимом Парфений Уродивый. Обычные жанры, в которых Грозный выступает в литературе, — послания, письма, «челобитные», то есть жанры прямого обращения к читателю. Это жанры с относительно свободной формой, и в них лучше всего выражается его требовательная манера держаться в своих писаниях. Это жанры, в которых на первый план выступает спор, обличение, утверждение своей правоты. Письма и послания входили в его арсенал как правила.

Если индивидуальный стиль произведений Грозного был частью или одной из форм его поведения, то стиль произведений Курбского был как бы производной его жизненных

обстоятельств. Различие, казалось бы, небольшое, но существенное по результатам. Индивидуальный стиль Курбского не так резко менялся. Он был индивидуально стабилен и связан с его стремлением найти свою «позицию» в жизни.

Курбский стал писателем, бежав за рубеж и изменив родине. Курбскому надо было оправдать себя в глазах общественного мнения в России и в Польско-Литовском государстве. Больше того — ему надо было оправдать себя в своих собственных глазах, ощущать свое право на позицию моралиста и нравоучителя. Его писания были самооправдательными документами, в которых он позировал перед другими, перед своими читателями, но прежде всего перед самим собой. Различие заключалось не столько в меньшей «гибкости» стиля Курбского, сколько в разной степени талантливости обоих: Грозный был несомненно талантливее Курбского и соответственно более смел в выборе стиля, языка и в нарушениях жанровых традиций, чем Курбский.

Читатель вправе спросить: если в выборе стиля у этих двух писателей, Грозного и Курбского, играли такую роль их поведение и их жизненные позиции, то разве не было до того писателей с такими же яркими (или сугубо мрачными) судьбами, и почему не выработались у них эти индивидуальные черты стиля? Все дело, конечно, в том, что в истории литературы внешние обстоятельства начинают играть решающую роль тогда, когда они подготовлены всем предшествующим процессом развития литературы и когда они оказываются поэтому способными выполнить свою роль. Литература шла по пути индивидуализации к развитию индивидуальных стилей. Несколько позднее этот же путь индивидуализации приведет литературу к появлению в ней индивидуальных характеров персонажей, к возникновению в литературных произведениях ярких человеческих образов.

Князь Курбский был плодовитым писателем. Однако не все им написанное выявлено и еще меньше издано. Среди наиболее известных его сочинений — его письма к Грозному и своеобразное продолжение этих писем — его «История о великом князе Московском», где в основном продолжают те же темы и где Курбский уже обращается не только к Грозному, но и к многим читателям в Польско-Литовском и Русском государствах. Известны несколько писем Курбского в Псковско-Печерский монастырь. Писал Курбский и Константину Острожскому, и к Марку, ученику еретика Артемия, и к Кузьме Мамоичу, и к Кодияну Чапличу, и к пану Федору Бокею, и к княгине Чарторыйской, и многим другим. Он переводил Цицерона, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита (что совсем сложно), в особых сочинениях защищал правосла-

вие от униатства в Литве, составлял богословские сочинения и пр.

В известной мере Курбский был «перевертнем», вынужденным приспособляться к меняющейся обстановке, изменить характер своего стиля и языка, систему аргументации и пр. Один свой лик он являл русским читателям, другой — западнорусским. По отношению к Грозному он стремился занять позу человека более образованного, изобразить себя человеком утонченной западной культуры. Курбский упрекал Грозного не только в «варварстве», но и в литературной неумелости, необразованности и отсутствии литературного вкуса. Себя Курбский стремился изобразить человеком западной просвещенности и цитировал для этого не только отцов церкви и церковно-авторитетные тексты, но и античных авторов. В своем Втором письме к Грозному Курбский явно придерживался правил латинских риторик и эпистолографии гуманистов. Он знал, очевидно, учебники эпистолографии, и в частности руководство Эразма Роттердамского. Исходя из предлагаемых им правил он и упрекал Ивана. Одним из главных достоинств писем считалась, например, их краткость. Он насмеялся над Грозным за то, что он этой краткости не придерживался и его послание явилось «широковещательное и многошумящее». С высот своей новой образованности он поучает Грозного, что не следовало бы ему писать такие неискусные письма «на чуждую землю, иде же некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые».

Со свойственным многим эмигрантам стремлением подчеркнуть свое бывшее высокое положение на родине, Курбский хвастает и своей родовитостью, и своим прежним значением в России при Грозном. Отсюда и его концепция: пока Грозный слушал советников вроде его, Курбского, все шло хорошо. Но перестал слушать, и наступила эпоха неудач и жестокостей: Россия озарилась пожаром лютости.

По мере того как Курбский осваивался со своей новой родиной, он пишет о России как о посторонней для него стране: «тамо есть у вас обычай», называет русских бояр «велицые гордые паны, по их языку боярове» и т. п. При этом в язык Курбского постоянно входят полонизмы, а великорусскую речь он называет «их языком» — языком московитов. Следовательно, появление полонизмов в его речи вполне сознательно.

Характерна его биография Грозного, изложенная им в «Истории о великом князе Московском». В русской литературе до Курбского не было жизнеописания обличительного характера. Были жития святых, ставившие себе целью прославление

своего героя. В поисках способов обличительного изложения жизни Грозного он отталкивается от житийного жанра и строит его жизнеописание как своеобразное антижитие. Курбский начинает «житие» Грозного с привычных для него московских агиографических трафаретов, только перевертывая их значение, демонстрируя в «житии» Грозного прямо противоположные святому начала. Все начало жизнеописания Грозного — это житие по жанру, но перевернутое, как бы опрокинутое в зло. Сам типичный перевертыш, Курбский и это свое произведение строит в «перевернутом» строе, — стиле антижития. Он как бы «паразитирует» на традиционном жанре, разрушает его. «Разрушительная работа» Курбского в известной мере была необходима в историко-литературном процессе. Доказательства этому мы ясно определим в следующем периоде, когда писателям приходилось характеризовать деятелей Смутного времени не только как святых и героев, но во всей их сложности. Но об этом в дальнейшем... В истории литературы иногда расшатывание старых литературных форм имеет значение для созидания новых. Даже не стремясь к новшествам, Курбский разрушал жанровую систему древнерусской литературы. «История о великом князе Московском», начатая вначале как своего рода антижитие, затем переходило от одного жанра к другому, и в результате невольно создавалось произведение, выходящее за пределы любого из древнерусских жанров. Курбский и в своей «Истории» обращался то к одному жанру, то к другому. Задача, поставленная себе Курбским, заставляла его охватывать жизнеописательную тематику, послания, воспоминания, историю царствования Грозного и просто перечень его преступлений, ставший вместе с тем как бы и перечнем мучеников тирании Грозного. Немалую роль в создании этого многопланового и многожанрового произведения сыграла и постоянная перемена того воображаемого читателя, к которому обращался Курбский. То это был западнорусский читатель, которому он хотел разъяснить, почему он выехал из России, то это был сам Грозный, которого он разоблачал за глаза из своего безопасного зарубежного укрытия, но как бы и в глаза, прямо обращаясь к нему во втором лице. В моменты этих обращений Курбский, наверное, чувствовал себя очень смелым, нелিপым и прямым...

«История о великом князе Московском» не участвовала в русском литературном процессе. Она не была известна на Руси в XVI веке, но тем не менее она явилась ярким свидетельством тех явлений, которые подспудно совершались в русской литературе — в первую очередь показателем ломки традиций.

Хотя основные произведения эпохи сосредоточиваются вокруг двух авторов — Грозного и его противника Курбского, — литературная жизнь продолжается в тиши монастырских келий, по большим общежительным монастырям и провинциальным городам. Велась работа переписчиков, составлялись новые редакции произведений — главным образом житийных, церковные службы. Сам Грозный был не чужд работы над второстепенными, не обращенными к политике произведениями. Грозный составлял церковные службы, сочинял к ним музыку, составил под псевдонимом «Парфений Уродивый» (этим псевдонимом Грозный пользовался и в других случаях) молитву «Ангелу Грозному», то есть ангелу смерти — Михаилу Архистратигу. Это произведение полно страха смерти и страха преследования: оно в высшей степени личное. В какой-то мере личные произведения писал и сын Грозного — царевич Иван Иванович. Ему принадлежат некоторые жития святых.

Жития святых, имевшие местное значение, писались и по монастырям. Они имели локальное значение. Однако на периферии в связи с военными событиями создавались произведения и широкого общегосударственного значения. Такова была составленная в 80-е годы XVI в. в Пскове «Повесть о нахождении на град Псков семиградского воеводы Стефана Батория». Повесть эта описывала удачное отражение осады Пскова многонациональными войсками Стефана Батория и была в этом отношении очень важна для подъема духа русского народа (не только псковичей), упавшего в обстановке тиранического гнета Грозного.

Характер повести в значительной мере продолжает «Казанскую историю» с тем только различием, что истории города здесь не требовалось и русские занимали позиции осажденных, а не осаждавших.

«Повесть о нахождении на град Псков», обширная и много-речивая, составленная, как и «Казанская история», очевидцем событий, медленно и обстоятельно разворачивает действие в духе второго монументализма. Она превращает события осады и обороны Пскова в своеобразное действо, церемониал. Ход событий разбивается на эпизоды, и каждому эпизоду дается свое оформление, свое название. Подобно тому как во время осады по стенам города совершался торжественный крестный ход, останавливавшийся на каждой башне для совершения молебна, так и в описании событий псковской обороны повествователь останавливается на каждом эпизоде, снабжая его отдельным заголовком и превращая каждый из этих эпизодов в своего рода молебное действо. Автор ведет свое повествование в настоящем времени, стремясь этим

достигнуть наибольшей наглядности, представимости совершавшегося, как бы заставляя вглядываться и вслушиваться во все бывшее. Это новое представление о повествовательном времени, которое в будущем получит особое развитие в повествовательных жанрах конца XVI—начала XVII века.

Вся повесть включается в ритм: ритм эпизодов, ритм повторяющихся синтаксических отрывков, ритм глагольных рифм и просто ритм настроения военных событий — и медленных и сокрушительных одновременно, больших масс войска и больших масс производимых наступательных и оборонительных работ.

Война — это прежде всего тяжелая работа, гигантская организация этих работ, смерть на посту. Это новое представление о войне, начало появления которого связано со «Сказанием о Мамаевом нашествии» и «Казанской историей».

«Повесть о нахождении на град Псков» явилась своего рода связующим звеном между воинскими повестями прошлого времени (в первую очередь такими, как «Казанская история» и «Сказание о Мамаевом побоище») и повестями начала XVII века о крестьянской войне и польско-шведской интервенции. Обращаясь назад к традиционным формам исторического и воинского повествовательного жанра, «Повесть о нахождении на град Псков» подготавливала вместе с тем тот жанр повествования, который окажется в силу ряда обстоятельств наиболее действенным в последующую эпоху.